

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

✧ *Последняя любовь*
Самурая

✧ *Невеста*
Калиостро

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Оформление серии *А. Саукова*

Оформление обложки *Н. Никоновой*

Под редакцией *О. Рубис*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Последняя любовь Самурая ; Невеста Калиостро : [романы] / Татьяна Полякова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Двойной авантюрный детектив Т. Поляковой).

ISBN 978-5-04-219551-8

«Последняя любовь Самурая»

Когда Селина познакомилась с Кириллом, она поняла: эта встреча — предчувствие чего-то значимого в ее судьбе. Кирилл оказался гениальным вором. Он сказал, что ждет в этом городе своего друга по прозвищу Самурай, которому должен помочь. Он втянул ее в криминальную авантюру и вскоре погиб — умер у нее на руках. А она осталась ждать Самурая, чтобы завершить то, что так и не успел сделать Кирилл...

«Невеста Калиостро»

Каждая девушка мечтает стать невестой... Но две подружки Лиза и Юлька не торопились под венец. Ведь в жизни так много интересного, все нужно успеть попробовать и испытать... Журналистка Юлька написала статью про некое тайное общество, которое якобы появилось в их городе. После этого ей на мобильный стал звонить загадочный незнакомец. А вскоре за подругами кто-то начал следить. И тут незнакомец приглашает подруг... ночью на кладбище. Там он сообщает им, что первая жертва уже принесена...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т. В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-04-219551-8

Последняя любовь
САМУРАЯ

На волке верхом
Ехала в сумерки
Та, что хотела
Стать его спутницей;
Знала она,
Что смерть ожидает
Сигрлинн сына
На Сигарсвеллире.

Старшая Эдда

Труп был тяжелым. Я попыталась ухватить его за ноги, услышав грозный окрик: «Шевелись!», но они непостижимым образом выскользнули из моих рук, и я с тихим стоном опустила на землю. Да, прятать трупы нелегкая задача. Не дожидаясь вторичного окрика, я все-таки вскочила, вновь ухватилась за ноги и, тяжело дыша, сделала первые несколько шагов, радуясь, что в темноте не могу видеть лица покойника.

Я споткнулась и едва не упала, но на сей раз ног не выпустила, удивляясь крепости собственной нервной системы. За последние два часа я как минимум трижды была обязана грохнуться в обморок, а ничего, бегаю. Трупы прячу. «Как такое могло произойти со мной?» — задала я себе риторический вопрос и вздохнула.

Моя жизнь обещала быть по всем статьям ничем не примечательной. Родилась я в маленьком районном городке, который с трудом насчитывал шестьдесят тысяч жителей. Конечно, не деревня, но близко к этому. Моя мама произвела меня на свет в семнадцать лет, едва успев окончить школу; отца своего я не знала, подозреваю, что на этот счет дела у матери обстояли не лучше, то есть и она толком его не знала. По крайней мере, я слышала три разные версии моего счастливого зачатия, где главными действующими лицами попеременно были то известный актер, то футболист, то рок-музыкант, тоже, разумеется, известный. У моей тетки была своя гипотеза тех событий, а число кандидатов на отцовство у нее сократилось до двух: первый был солдатом срочной службы, с ним мама крутила любовь целых полгода; второй — парень с

8 соседней улицы, жуткая шпана, который сел в тюрьму раньше, чем его успели призвать в армию. В родной город он более не вернулся и, по мнению той же тетки, давно сложил буйную головушку в пьяной драке или умер от чахотки. Кстати, эта самая чахотка всецело занимала мое воображение в детстве, я мысленно видела своего отца в мрачном подземелье, прикованным к стене цепью. По стене стекает вода, образуя лужи на каменном полу, а мой отец надсадно кашляет и в конце концов выпускает последний вздох.

Собственно, история моего рождения была самым интересным эпизодом моей жизни, может, поэтому отец в детстве и являлся мне в декорациях фильмов по романам Дюма.

Благополучно разрешившись от бремени, мама оставила меня на попечение своей сестры, старой девы тридцати семи лет. Та была дочерью ее отца от первого брака, и они не особенно друг друга жаловали, да и знакомы были не очень хорошо в силу двадцатилетней разницы в возрасте. Ко всему прочему, сестра жила в поселке неподалеку от нашего города, так что их встречи были не частыми. Однако после смерти моей бабки Люба, так зовут мою тетку, переехала в город, чтобы взять на себя заботу о своем отце и сводной, тогда десятилетней, сестре. Собственно, она заменила ей мать. Через пять лет умер отец, и они остались вдвоем на всем белом свете. Мать Любы умерла еще раньше, чем моя бабка. А потом родилась я, и мама, ежедневно рыдая от обрушившегося на нее счастья, вспомнила, что в первом классе у нее была пятерка по математике, и бросилась поступать в техникум (на институт она не замахивалась, пятерки у нее особо не водились). Техникум находился в областном центре, откуда мама уже не вернулась. На втором курсе она вышла замуж, забыв рассказать супругу о моем существовании. После регистрации она решила с этим тоже не спешить и в конце концов пришла к выводу, что ставить его в известность обо мне вовсе ни к чему, оттого в редкие наезды мамы я называла ее тетей Ниной, а тетю Любу, соответственно, мамой. В детские

мозги это вносило некоторую сумятицу, и я лет до девяти толком не могла разобраться ни с мамами, ни с отцами.

На момент начала этой истории мать жила в Ульяновске, обремененная тремя детьми и вечно нетрезвым мужем, жаловалась на хроническое безденежье и уже лет семь как нас не посещала, забывая отвечать на письма. Телефона у нее не было, так что о ее жизни мы с тетей Любой имели довольно смутное представление.

Тете Любе уже было около шестидесяти, окружающий мир вызывал у нее стойкое отвращение, и она мечтала уйти в монастырь. Дело было за малым: оказалось, что в монастырь уйти не так просто, то есть с пустыми руками берут туда весьма неохотно, и тетка вела подвижническую жизнь в миру, гневно критикуя «прощелыг и выжиг, окопавшихся в церкви». Несмотря на суровый теткин нрав и неумную тягу к обличению несправедливости, мое детство можно назвать вполне счастливым. Я, как водится, переболела ветрянкой, корью и ангиной, громко читала стихи про Мишку, взгромоздясь на стул, в положенное время отправилась в школу и с отличием ее закончила, не очень напрягаясь. В девять вечера по установленному порядку я молилась вместе с теткой, после чего она отходила ко сну, а я читала и предавалась мечтам.

Мои мечты ничего общего с реальной жизнью не имели, и уже лет в двенадцать я поняла, что либо мечтать надо о чем-то другом, раз пираты, мушкетеры и прочие романтические персонажи канули в небытие, либо нужно смириться с тем, что мечты мои никогда не осуществляются. Я смирилась, нимало не печалась, и продолжала мечтать в свое удовольствие.

После окончания школы я хотела пойти работать, не желая сидеть далее на теткиной шее, но тетя Люба заявила, что спит и видит меня учительницей, так как некогда об учительстве мечтала сама, однако различные жизненные трудности помешали ее мечте осуществиться. Чтобы сделать ей приятное, я стала готовиться к поступлению в педагогический институт, но его в нашем городе не было, и я, с благословения тетки, отправилась в областной центр.

Моей покладистости сильно способствовал тот факт, что в жизни тетки к тому моменту появился некий святой старец, а с моей точки зрения, просто бомж. Маленький юркий мужичок с бородой лопатой, которого Люба разместила в своей квартире. Старец последние тридцать лет нигде принципиально не работал, а теперь все свое время посвящал душеспасительным разговорам и диспутам с теткой на маловразумительные богословские темы, что наполнило ее жизнь давно ожидаемым смыслом. Она тихо радовалась своей миссии (взвалив на свои хилые плечи заботу о «святом» человеке), и мне показалось, что мое присутствие ее понемногу начало угнетать.

Послушав однажды очередную проповедь старца, который утверждал, что Христос вовсе не был богом, а природа его целиком и полностью человеческая, я сдуру брякнула, что это альбигойская ересь. Обалдение на лицах дискутирующих было ложно принято мною за неподдельный интерес, и я увлеченно рассказывала минут пятнадцать о катарах и Крестовом походе против них, о последней твердыне и прочем, пока не схлопотала от тетки полотенцем. Физическое воздействие сопровождалось словами «больно умная стала», после чего я была зачислена в стан идеологических врагов, и благословение мое на учебу в областной центр вышло не очень трогательным, но поспешным.

В институт я поступила, устроилась на работу, потому что была приучена есть трижды в день, и последующие четыре года прошли быстро, без значительных событий и волнений.

Жила я в общежитии и делила комнату с тремя девчонками из таких же районных городков, как и моя малая родина. Девчонки мечтали поскорее выйти замуж, мысль вернуться в родные пенаты их откровенно пугала. Мне же, по большому счету, было все равно, раз мои собственные мечты были неосуществимы как здесь, так и там, однако в беседах на излюбленную тему я принимала весьма деятельное участие, слушала откровения подруг, дважды пыталась влюбиться сама и дважды с печалью констатировала, что это мне не удалось, то есть те чувства, которые я в